

— Что просто так дома сидеть? — сказала мне мама весной, просматривая объявления в бесплатной газете с интригующим названием «Шанс». — Устройся куда-нибудь поработать, хоть в магазин, хоть буклеты какие раздавать... Люди в восемнадцать уже вон бизнес начинают.

Удержавшись от ехидного замечания о том, что сама родительница ни в восемнадцать, ни даже в сорок пять не начала никакого бизнеса, я согласилась найти себе рабочее место на месяцок-другой нынешнего лета. Поработать всё-таки было интересно. Правда, обычные способы подработки моих однокурсниц с начфака пединститута меня не особенно привлекали: одну поймали стражи порядка, когда она обходила район с кипой объявлений и бутылкой клея ПВА, другой два месяца не отдавали зарплату за раздачу листовок. Я с самого начала своей трудовой деятельности отдала предпочтение организациям проверенным, желательно государственным, и, так как училась в заведении педагогическом, решила в поисках работы зайти не куда-нибудь, а сразу на сайт управления образования.

Искомое нашлось очень быстро. На одной из страниц мне бросилось в глаза выделенное голубым цветом объявление: «В детский летний лагерь требуются воспитатели, вожатые, повар и другой персонал». Ниже шрифтом помельче указывались условия работы: двадцать один день в смене, график двадцать четыре на семь с тремя возможными выходными, зарплата (что-то около восьми тысяч — дело было в конце нулевых) и координаты.

Чтобы работать было веселее, я подговорила ехать вместе с собой двух подружек-однокурсниц. Я живописала им прелести жизни в загородном лагере так красочно, насколько могла: прохладная речка, богатый земляникой лес, полный цветочных ароматов воздух... Веря самой себе, я говорила о трёх неделях в лагере так, будто нам только и предстоит делать, что любоваться золотыми зорями, малиновыми закатами да иногда, в виде развлечения, играть с подопечными, ощущая с затаённой беспечной радостью, что детство в наши восемнадцать лет ещё никуда не ушло — тут оно, тут, с его лёгкостью, недуманием о завтрашнем дне, верой в прекрасный, добрый, открытый человеку мир.

В качестве «пионерки» в лагере мне приходилось бывать три раза — в девять, десять и двенадцать лет. Дурные моменты, неудобства вспоминать не было желания, и девчонки, вдохновившись моим рассказом, согласились поехать со мной в сию чудную долину.

Первое испытание ждало нас уже на собеседовании. В одном из однообразных кабинетов управления образования две тётеньки приятной полноты, одетые в строгие юбки и пиджаки с плечиками, встретили нас не очень приветливо. — Куда идём? — гаркнула одна из них.

— Идём трудоустроиваться, — сказала я дрогнувшим голосом, выступая впереди однокурсниц, которые были заметно ниже меня ростом и с удовольствием спрятались за мою широкую спину. — Куда это? — всё тем же раздражительным тоном спросила первая тётенька.

— В летний лагерь, — как можно бодрее ответствовала я.

Вторая тётенька, с льяными короткими волосами, уже более мягким голосом позвала меня к столу. Спутницы мои сочли за лучшее подождать в коридоре.

Я показала справку с места учёбы, зачётную книжку с пятёрками и на вопрос светловолосой тётеньки, был ли у меня опыт общения с детьми, ответила, что огромный — с племянниками и сыном соседей. Тётенька кивала, и мне уже казалось, что дело в шляпе — осталось кликнуть девчонок и оформлять документы. В мыслях я покупала трудовую книжку в синем киоске «Розпечати». — Ну а вожатскую школу-то ты посещала? — обрубила мои карьерные фантазии тётенька.

Мне пришлось признаться, что я не только не посещала, но и слов таких не слышала. Круглое лицо тётеньки словно заволокла туча, она ещё ничего не ответила, но я уже с тревогой предчувствовала, что работу на это лето, быть может, придётся искать в другом месте. И вдруг её коллега, до сих пор молча и сердито швырявшая в огромный шкаф белые папки, воскликнула, глядя на меня: — Света, ну посмотри, какие у неё глаза! Глаза-то умные. Давай её возьмём.

Радость вспыхнула во мне факелом, но через пару секунд я спохватилась и махнула рукой в направлении коридора:

— А девочеке?

— Они такие же, как ты? — слегка нахмутив короткие чёрные брови, спросила тётенька, разглядывшая в моих глазах сияние разума.

— Конечно, — заверила я.

— Ну, тогда... пускай. Давай сюда ваши документы...

Мы быстро договорились обо всём необходимом, и, уже затворяя дверь, я ненароком услышала: — В крайнем случае уборщицами пойдут...

Через месяц настал нежный май, полный свежести распускающейся листвы, и мы с девочками, как заранее было оговорено, поехали на загородном автобусе в лагерь — отмывать корпус и раскладывать матрасы. Были возле лагеря и неглубокая речка с каменистым дном, и дикий сосновый бор, простиравшийся по холмам с восточной стороны, казалось, до самого горизонта. Тётенька с льяными волосами, фамилия которой оказалась Шишкина, встретила нас на сей раз тепло и даже угостила чаем.

— У нас все по весне приезжают, это такой порядок, — объяснила она. — Вот я — старшая вожатая здесь уже который год, а тоже матрасы таскаю. У педагогов вообще судьба такая: не только учат и воспитывают, но и в столовой накрывают, и коридор сторожат, и стены моют. Вот, смотрите.

Для подтверждения своих слов одетая в трико и футболку Шишкина показала на стоящее в углу ведро с тряпкой.

С полудня и до темноты мы таскали полосатые матрасы, исписанные памятным надписями подушки, отковыривали засохшие жвачки с железных кроватей, выгребали мусор из батарей, оттирали крашенные в светло-синий цвет стены корпуса. Мы болтали, шутили, я рассказывала разные байки из своего детства, незаметно для самой себя слегка приукрашивая их выдумкой. Девчонки смеялись и тоже собирали разную весёлую чепуху.

Ночевать заранее решили в лагере. По корпусу после нашей уборки плыл горький удушающий запах жавеля. Мы открыли легко подавшиеся задвижки, растворили настежь двери и окна и вышли на поляну за корпусами, прихватив хлеб, сыр и чипсы. В пепельно-голубом небе тихо угас бледный оранжевый закат, над горизонтом появилась первая звезда, и в темноте стоявшего стеной соснового бора свечками забелели редкие берёзы. Мне почти взыправду казалось, что скоро, как в сказке о Василисе Премудрой, покажется чёрный всадник на чёрном коне, и если я отважусь пойти в глубь этого ночного леса, не побоюсь тьмы и разрывающей сердце страхом тишины, то непременно доберусь до избушки, справлюсь с хитрой работой Бабы Яги и принесу огонь — негаснущий волшебный огонь из иного мира.

Спутницам моим лагерь как будто понравился, они сказали, что будут работать — правда,

обязательно со мной на одном отряде; но в середине июня одна из них сломала руку, неудачно упав с велосипеда, а другая, конечно, не захотела её бросать. Мне предстояло ехать одной.

Известие о том, что лагерь лишился двух потенциальных работниц, разумеется, не обрадовало Шишкину, однако она сухо сказала мне, что замену найдёт.

Давно отцвели мои любимые ландыши, потухло оранжевое пламя жарков, сошла с черёмух душистая белая пена; за ними угасли и цветы лиловых тонов — причудливые ирисы, нежные клематисы, нарядная в пору нарождающегося лета медуница. Место скромных ранних цветов заступили роскошные, богатые красками лилии, садовые розы, махровые пионы. Когда же с персидской сирени осыпались последние фиолетовые звёздочки, на город пала жара. К десяти утра остатки утренней прохлады истаивали, солнце властно вступало в свои права, раскаляя дороги и крыши, простирая палящие лучи от края до края города. Ажиотаж был вокруг жёлтых бочек с квасом и ларьков с мороженым. Не знающая страха детвора лезла на фонтаны, брызгалась водой из бутылок. На размягчённом асфальте оставались следы автомобильных шин и резиновых сланцев-вьетнамок. Душными вечерами, когда сильнее начинали пахнуть скошенная трава в палисадниках и истлевающий мусор на городских помойках, на улицу выбирались полураздетые парни и девушки — гуляли, кучковались компаниями во дворах. И молодые, и старые — все строили планы насчёт того, куда можно уехать из города на время июльской жары: если не на море, так хотя бы на дачу или к озёрам.

Уже в первый день сезона я узнала, как, собственно, нашлась замена моим однокурсницам: директриса лагеря уговорила работать вожатых вместо одного сезона — два. Со мной на отряде оказались воспитатель Ната — ей было двадцать два года, после педагогического училища она уже пару лет преподавала английский, — и будущий соцпедагог Варя, которая, закончив третий курс, проходила обязательную практику. Четвёртой в нашей комнате оказалась Алинка. Детям её представили как вожатую, хотя на самом деле она была уборщицей, но строго запретила мне и остальным рассказывать о её настоящей должности детям. Алинке было семнадцать лет, она только окончила школу, сдала вступительные экзамены в какой-то техникум и вместе с матерью, учительницей труда, которую поставили воспитателем на другой отряд, приехала подзаработать денег и отдохнуть на природе. Варя и Ната, как я скоро поняла, давно знали друг друга, успели вместе отработать в лагере первый сезон и собирались ехать домой, но вдруг директриса предложила им остаться ещё на одну смену. От её предложений было сложно

отказаться всякому: Татьяна Григорьевна брала не только убедительностью аргументов, но больше того — массой, взглядом и басовитым голосом.

В первый день нашей смены мы таскали вместе с детьми постельное бельё, натягивали тугие наматрасники, расселяли всех по комнатам, сгоняли на обед и ужин, бегая вокруг корпусов и лица оторвавшихся от коллектива воспитанников, пересчитывали путёвки, перечитывали анкеты родителей, перебирали по приказу директрисы детские вещи, дабы в них не оказалось ненароком пропущенной крамолы вроде бутылки спиртного или пачки сигарет. Второй день принёс мало облегчения: теперь предстояло знакомить детей друг с другом, выбрать из них пару-тройку человек с артистическими наклонностями, чтобы вечером они смогли продемонстрировать свои таланты на концерте в честь открытия смены, а остальных тоже занять какими-то делами. Сразу после тихого часа, на котором наши двенадцати-тринадцатилетние воспитанники маялись от безделья, Шишкина выловила меня возле корпуса и попросила помочь вытащить две старые панцирные сетки от кроватей, чтобы для детей они были вместо батуты. Я кликнула трёх пацанов, мы быстро вытащили сетки, и, глядя на то, как скачут и кричат дети, получившие воспитательную возможность первыми испробовать нехитрый аттракцион, я не устояла и тоже стала прыгать на сетке, не сдерживая криков радости. На проходившего мимо охранника Женю я не обратила тогда никакого внимания — зато он, как потом довелось узнать, долго смотрел на меня, дополняя собственной фантазией мои возгласы счастья на старой панцирной койке.

После вечернего концерта Алинка позвала меня прогуляться по лагерю. Ещё со вчерашнего дня я замечала на себе её любопытные взгляды, а теперь она и вовсе сверлила меня глазами, дотошно рассматривая и моё голубое платье (сшитое дома тёткой и потому не похожее ни на что покупное), и серебристые балетки, и бело-сине-зелёное бисерное ожерелье.

— У тебя парень есть? — без обиняков брякнула она, как только мы немного отошли от сцены и танцплощадки, где бухала музыка.

— Н-нет, — призналась я и почему-то сразу почувствовала, что в её глазах это недостаток.

— Не-ет? — и впрямь удивилась и, кажется, разочаровалась Алинка. Ещё раз скользнув по мне взглядом маслянисто блестящих чёрных глаз, она вздохнула и сказала: — У меня пока тоже нет. Последний в мае был. А у тебя когда?

— В декабре, — сказала я первое, что пришло в голову, и тут же подумала, что, в общем-то, не обманула: перед Новым годом я действительно пару раз ходила гулять по набережной с одним знакомым мальчиком.

— Ни хрена себе, как давно, — покачала головой Алинка. — Как он у тебя был — ничего?

— Хороший.

— А в сексе?

От неожиданности вопроса я остановилась и хотела было сказать, что до такого дело не дошло: ограничились мы парой мимолётных поцелуев на автобусной остановке. Но, глядя в чёрные Алинкины глаза, продолжающие, как сканеры, шарить по мне вдоль и поперёк, я смалодушничала и солгала:

— Ничего такой был!

Алинка лукаво улыбнулась и ободрила меня: — Мы с тобой здесь парней найдём! Видела — тут вожатые-парни есть, ну, они дохлые какие-то; есть ещё шофёр — Татьяну Григорьевну возит, есть диджей, Глеб зовут, кудрявый такой — м-м-м! И мент ещё есть, Женька, — видела его?

Я призналась, что не видела.

— Да ты что?! — укоризненно махнула на меня рукой Алинка. — Вечером знакомиться пойдём! Он тут в командировке, как инспектор по делам несовершеннолетних. Если кто водку будет пить или воровать, скрутит и домой вышвырнет на фиг, — сказала она так гордо, будто радовалась, что на свете есть такие люди, кто умеет вышвырнуть.

Алинка перечислила не весь мужской состав нашей смены: был ещё таджик-разнорабочий, который казался мне стариком, и физрук Степаныч, тоже далеко не молодой. Двое из парней-вожатых работали на специальном спортивном отряде, составленном из каких-то не то самбистов, не то каратистов, а третий поставлен был на отряд обычный, только самый старший, где числились четырнадцати-пятнадцатилетние «пионеры». Этот третий парень и привлёк моё внимание, когда Шишкина собрала всех вожатых на летучку. Он слушал распоряжения начальства, подперев русоволосую голову рукой, и огрызком карандаша делал какие-то записи в блокноте. Мне показалось, что он, так же как и я, не знал никого в этом лагере, приехал впервые и почти случайно. Когда летучка закончилась, все, загремев стульями, стали расходиться. Парень направился к своему корпусу, а я, продолжая стоять в дверях кабинета Шишкиной, смотрела вслед его долговязой фигуре.

Когда он пропал из вида и наблюдать мне уже было не за кем, я вдруг услышала поблизости чей-то звонкий задорный голос:

— Привет! Ты на каком отряде работаешь?

На меня смотрела рыженькая девушка маленького роста, с весёлыми и ласковыми глазами.

— На втором, — ответила я. — Меня Лида зовут.

— А я Маша. Я с маленькими на четвёртом. Приходи в гости, как будет время!

— Обязательно! — пообещала я, уже радуясь новому знакомству.

Но времени в этот день не оказалось и минуты: до вечера мы готовились к концерту, после ужина смотрели на выступления своих воспитанников. Варя, поведя широкими, как у пловчихи, плечами, с гордостью сказала о танцевавшей на сцене девочке: — Это я с ней сътывала номер!

После концерта и фильма убрали стулья со сцены, укладывали ребят спать. Зайдя в одну из двух мальчишечьих комнат, я как можно более строгим голосом отдала распоряжение закрывать глаза, но стоило мне только немного отойти от двери, как чей-то жалобный голос спросил: — А что, вы нам ничего не расскажете?

В глубине души я обрадовалась этой просьбе: когда я сама отдыхала в лагерях, некоторые вожатые читали нам по книжке длинные сказки или сплетали какие-то небылицы про нечисть в духе Успенского и Усачёва.

— Вы знаете, кто такой король Артур? — спросила я наугад.

Некоторые ответили, что знают. — О, сейчас вы узнаете всё о славном короле Артуре и доблестнейших, благороднейших рыцарях Круглого стола, — заговорила я, сама уже захваченная стихией игры в старину. — Я расскажу вам о том, как потомок Утера Пендрагона получил власть в стране бриттов, как он взошёл на трон, минуя опасности, и как он мудро правил своей страной.

Я вдохновенно вещала, медленно прохаживаясь туда и сюда в проходе между койками, на ходу вспоминая историю из книжки «Сказки и легенды Западной Европы», а мальчишки слушали, приподнявшись на кроватях. О, последнее счастливое время домобильной эпохи! Ныне оно кануло в Лету, и, пожалуй, уже никакой, даже самый талантливый сказитель не заморозит устным словом так, как яркие кадры «Ютуба». Или всё-таки есть ещё шанс?

Услышав, что я рассказываю что-то увлекательное, из соседней мальчишеской палаты высунул лохматую белобрысую голову пацан по имени Валера. — А нам? — требовательно попросил он хриплым голосом.

Я зашла и в другую комнату, договорившись с пацанами, что уж завтра пойду к девочкам. Когда я, сама смежая глаза от усталости, заканчивала вторично рассказываемую историю про меч в камне, в дверь протиснулась Ната и шикнула на пацанов:

— А ну спать! Что не спишь?!
— Да мы историю послушаем, тут им это... рассказываю, — стесняясь, объяснила я.

Ната оттащила меня за локоть к дверному косяку.

— Как закончишь, иди в корпус, где работники живут. Ну, не вожатые, а все остальные. По лестнице с улицы на второй этаж забирайся.

— Хорошо, — кивнула я послушно, как подчинённая руководителю.

Когда я поднялась наверх по металлической пожарной лестнице и открыла узкую дверь в небольшую комнатку, там уже сидели и Ната, и Варя, и черноглазая Алинка. Диджей Глеб разливал водку по стаканам и кружкам, а переодетый в спортивный костюм мент Женя, довольно осклабившись, приветствовал моё появление каким-то утробным звуком.

— Заходи, садись, — пригласила меня Ната. — Мы тебя только и ждём.

— Да? — удивлённо спросила я. — Ну, вот и дождалась.

Варя вдруг засмеялась, поперхнулась водкой и стала мотать головой и махать руками, всё ещё продолжая чему-то веселиться.

— Где-е-еб, — протянула она блеюще, — подай сюда сока, девушкам водка без сока не это.

Тряхнув шапкой каштановых кудрей, Глеб открыл коробку яблочного сока и ещё одну бутылку водки.

— Давайте, девки, выпьем за эту смену! — подмигнув, провозгласил он тост.

До этого водку я пила только два раза — по стопочке на поминках, но тут опрокинула в себя все налитые мне полкружки, и Ната, указав на меня пальцем, сказала с нарочито негодующим видом:

— Где это ты так бухать научилась? Смотри-ка, выпила махом, и даже без сока. А с виду вся такая приличная, ещё в платье ходит.

— Да это нечаянно, — отмахнулась я, чувствуя, как у меня слезятся глаза.

Девки пьяненько заулыбались, а мент Женя положил на моё плечо широкую жилистую лапу, отчего я вздрогнула и мгновенно выпрямилась.

— Как же задолбалась я в этом лагере! — воскликнула Ната, отрывая зубами прядь от сыра-косички. — Это ж невозможно. Весь день, просто весь грёбаный день с этими спиногрызами заниматься. Вы знаете, сколько нам должны платить? А?! Знаете, сколько аниматорам платят на свадьбах, на днях рождения? Да они за раз пять косарей получают, а я за месяц десятку.

— Ну уж не за раз, — возразил Глеб.

— Ну не за раз, а за два! — озлилась на него Ната. — Долбаная эта работа учительская, тридцать три часа везу, потому что некому. Да и было бы кому, так одну ставку взять — жить на что? А жить хочется нормально, вы понимаете — нор-маль-но! Лето наступило, думаю, побуду сезончик, чтобы платья, обувь купить; так припахали ещё на второй!

Варя согласно кивнула, пересаживаясь с провисающей койки на пол и вытягивая смуглые короткие ноги вперёд, к проходу, и мечтательно помурлыкала:

— При такой работе надо отдыхать хорошо...

— Ты что это там рассказывала? — внезапно переключилась на меня Ната. — Пацанам нашим? Что это ты там говорила?

— Да это сказка... Это легенда о короле Артуре. Я их несколько помню.

Алинка, оживившись, уставилась на меня чёрными глазницами и вскричала с восторгом:

— Так ты чё, умная, что ли?! А ты чё ещё знаешь? Английский знаешь?

— Английский и я знаю! — огрызнулась Ната.

— Знаю, — сказала я. — Ещё немного французский.

— Ну-ка, ну-ка? — Алинка склонила голову набок и прищурилась в мою сторону, как любопытная кошка.

Я откашлялась и затянула песню из мюзикла «Нотр-Дам»:

C'est une histoire qui a pour lieu
Paris la belle en l'an de Dieu
Mil-quatre-cent-quatre-vingt-deux
Histoire d'amour et de désir...

— Круто! — крикнула Алинка и, хлопнув по плечу Глеба, приказала ему: — Наливай ей!

Мне подали ещё водки, и я, побоявшись отказать, снова выпила её, на сей раз поперхнувшись. — Где это ты научилась? — поинтересовалась Ната, явно имея в виду не употребление алкоголя.

— Да в школе был второй язык... Ну и потом, просто для себя, немножко читала...

— Ты слышал?! — почти взвизгнула Алинка в сторону Глеба. — Вон чем люди занимаются! Учись! Учись!

Она со смехом накинулась на него, повалив на койку и задев ногой кружку, которая по чистой случайности не разбилась — её подхватила ловкая Варя.

— Одичали совсем... — незлобно проворчала та.

Алинка так и продолжала лежать на ничуть не сопротивлявшемся Глебе, запустив пальцы в его кудри, пока мент Женья разливал по кружкам ещё одну порцию водки. Тут я уже испугалась и заявила, что больше пить не стану.

— Ну, ради меня? — попросил Женья.

Его вытянутое лошадиное лицо с массивной челюстью и нависшими бровями было мне так неприятно, что я инстинктивно стала двигаться ближе к входу, где сидела Варя. Но мент оказался настойчив и всё-таки всучил мне в руки кружку с водкой, наполовину разбавленной яблочным соком. У меня не было часов или телефона, чтобы узнать время, и поневоле стало казаться, что мы находимся в комнатухе уже бог весть сколько часов. От водки меня клонило в сон, и становилось уже всё равно, где заночевать: в корпусе на кровати или здесь, прямо у двери на коврик, лишь бы отдохнуть от всяких навязчивых предложений, визгливого смеха и вообще людского общества.

Когда я уже погружалась в вязкую дремоту, Варя ткнула плечом меня в бок. Мент Женья, поднявшись провожать нас, занял весь дверной проём своей громадной, как холодильник, фигурой и сказал мне на прощание:

— Кто будет буянить — мне скажи. Я их!..

Он провёл себе рукой по горлу и загоготал, обнажив крупные зубы.

На третий, четвёртый и пятый день нас ожидала такая же круговерть: сбор детей, эстафеты, уборка в комнатах, подготовка к очередному вечернему концерту. Правда, с детьми проводили больше времени я и Варя: Ната уединялась в жогацкой, заполняя какой-то неведомый мне план-сетку.

Варя вошла во вкус командования детьми, то и дело обращаясь к ним:

— Девочки, вы уже дорожки сэтывали?

— Ну-ка, проход разэтывайте мне!

— Кушайте яйца, берите масло и на хлеб наэтывайте!

Она часто заходила в комнаты, проверяла, чем занимаются дети, не прячут ли чего недозволенного, не играют ли в карты во время тихого часа. По утрам она делала вместе с ребятами зарядку, показывая им на своём примере, как надо выполнять упражнения. Я сама любовалась Вариной гибкостью, ловкостью, только ноги её мне казались короткими, и поэтому создавалось чувство, будто её крепкую фигуру снизу обрубил.

Но, кроме зарядки, она почти ничем не занималась вместе с детьми — только непрерывно контролировала их, отдавала распоряжения, и ребята больше тянулись ко мне и к Алинке, которую считали за жогацкую. Я боялась, что мне будет трудно с мальчиками, но вышло, пожалуй, наоборот: с ними трудностей как раз возникало меньше. Отношения мальчиков были просты, понятны, хотя иногда жестоки.

В одной комнате жил маленький чернявый Ваня Бочкарёв. Пацаны стали насмехаться над ним за его рост и тонкий голос. Я рассказала им о своём друге детства, которого тоже недолюбливали за то, что он был младше всех и плохо читал, — а потом он вырос, и читать научился, и стал звездой школьной команды квн. Историю о друге я вовсе не выдумала, оттого, наверное, она и прозвучала очень убедительно.

— Знаете, мальчики, я и хоть и добрая, но не стерплю, если кто-то обижает другого и считает себя лучше его. Вы для меня все равны, этот лагерь для нас как дом на всю смену. Плохой ли, хороший — но это наш дом, и все мы тут как семья.

Удивительно, но мальчишки прониклись моей уверенностью и перестали задевать Бочкарёва — во всяком случае, на виду. Отправляясь на дискотеку, он спросил, нет ли у меня одеколona. Я дала ему свои духи, Ванька побрызгался ими и, довольный, отправился плясать.

Я рассказала об этом случае Натe.

— А что? — хмыкнула она. — От настоящего мужчины должно пахнуть женщиной.

Был у нас ещё Валера, «мажор», сын владельца большой оконной фирмы, которого отец отправил сюда в лагерь на перевоспитание (так, по словам Наты, он и сказал ей, вручая отпрыска). Валера привык отдыхать совсем в других местах, в лагере ему было откровенно скучно, и через недельку ушла Варя поймала его на границе территории с сигаретами, а потом отыскала в комнате и припрятанное пиво. Оказалось, что за территорию бегал не один Валера: кто-то покупал папиросы, кто-то просто решил разведать местность. Узнав об этих побегах, физрук Степаныч организовал пацанам ежедневные матчи по баскетболу и волейболу. Валера пару дней презрительно отказывался в них участвовать, но сидеть в комнате, когда все весело носятся по песку, гоняя мяч, ему всё же наскучило, и он утянулся за остальными.

Среди девочек была небольшого роста, плотнo сбитая Лера Братишко. Дети поголовно называли её Братишкой, посмеивались за нескладную фигуру, неуклюжесть и медлительность: Лера иногда задумывалась так, что не сразу слышала обращённые к ней слова, и тогда её окликали громче и сердитей: — Эй, Братишка! Тебе говорят!

Мы с Алинкой однажды спросили эту девочку: — Обижаешься, наверное, что тебя всё время Братишкой называют?

Она повернула к нам своё широкое азиатское лицо, наверное, пытаясь угадать, зачем мы спрашиваем, и, слегка качнув головой, выдала: — Не-е-ет... Не обижаюсь... Я просто злюсь!!

В ответ на это искреннее детское признание я не сдержала короткий смешок, а серьёзная как никогда Алинка пристально посмотрела на Братишку и вдруг спросила:

— А хочешь, перестанут смеяться? Хочешь?

Удивлённая Братишка ответила, что, разумеется, хочет, и Алинка в этот же вечер заволокла девочку к нам в вожатскую, заранее разложив на маленьком столике расчёски, фен, гель для волос, заколки, резинки и даже маленькие пробники духов из орифлэймовских каталогов. Я отлучилась по делам, а когда вернулась в корпус и снова вошла в нашу служебную комнатку, поневоле застыла на пороге. Алинка намазала Братишке всё лицо и шею основой под макияж, наложила на её хакаские скулы коралловые румяна, раскрасила веки до самых бровей серебристыми тенями и пустила над самыми ресницами роскошные сурьмяные стрелки. Тёмно-шоколадные Братишкины волосы Алинка начесала на макушке, прикрепила заколками по вискам. Увидев меня, Лерка рванулась подняться, и я, к своему изумлению, заметила, что её длинные волосы были подстрижены каскадом — нижние пряди оказались длиннее верхних.

— Ну как? — спросила меня Братишка, и по тону её голоса я поняла, что она ещё опасается, как бы в новом облике не вызвать насмешек ещё больших, чем раньше.

— К-красиво! Очень! — горячо заверила я.

— Ещё-о бы! — подтвердила Алинка, с видом довольного мастера оглядывая лицо ошарашенной Братишки в щербатом зеркале. — Я даже ей свои клипсы звёздочками отдам, не пожалею!

Когда надушенная, накрашенная, остриженная по последней моде Лерка наконец увидела свет, выйдя из вожатской, случилось то, чего я боялась: пара девчонок, только заметив её, принялись хихикать и закатывать глаза. Во мне упало сердце, но Алинка, ничуть не смутившись, вперилась в девчонок холодным взглядом и снисходительно-презрительным тоном задала им вопрос:

— Мне интересно знать: что вы ржёте, как лошади?

Те замолкли, захлопали глазами.

— Вы что, следите за модными показами? Читаете модные журналы, может, хотя бы смотрите передачи? Вы разбираетесь в моде, чтобы иметь какое-то мнение? Я Лере создала новый образ. Это мода, это шик! — глаголила Алинка. — И вы просто не выросли, чтобы его понять. Она сегодня будет на дискотеке самой стильной. У неё экзотическая красота, её просто надо было раскрыть.

Я не могла понять, в самом деле Алинка считала, что раскрыла Братишку, или просто хотела подбодрить ребёнка, пока она не изрекла покровительственным тоном:

— Можете, кстати, и вы обратиться ко мне, я вам тоже помогу подобрать имидж.

На дискотеке Братишка и впрямь блистала, поверив в свою экзотическую красоту. Танцевать Лерка не умела (или, может быть, стеснялась), но оказалось, что она довольно ловко обращается с волейбольным мячом. На глазах у всех она стала подкидывать мячик то ногами, то плечом, почти каждый раз подхватывая его снова, и сорвала аплодисменты. Я радовалась за неё, а разбитной Глебка крутил пластинку и заводил толпу «пионеров» выкриками:

— Двигай телом!.. А ну зажжём!.. Давай-давай!.. Танцевать не стыдно!.. Пра-а-ащай, разум! Встретимся завтра!

И «пионеры» плясали, трясли причёсками, скакали, носились по площадке, и даже самые строгие и угрюмые не могли удержаться от того, чтобы не начать постукивать ногой в такт заводной песне:

Плюнь на ладонь, пригладь малиновые волосы,
Здесь ждёт тебя незабываемая молодость,
Здесь то ли ты, то ли он, то ли я —
Здесь ждёт тебя страна Малиния!

И всё было бы неплохо, временами даже прекрасно, если бы не ночи. Всего один раз девки не утягивались в каморку к диджею и менту, всякий раз

прихватывая меня: в тот единственный вечер по территории ходила с каким-то блондом Шишкина, и Ната, втихаря её проклиная, почла за лучшее повалиться спать. В остальные дни, уложив детей и выждав немного времени, девки убегали из корпуса как подстреленные. Правда, однажды был день, когда собраться решили не в у парней в каморке, а в нашей вожатской. Я пошла рассказывать сказку в одну, потом в другую комнату девочек и нарочно задержалась там, втайне надеясь, что посиделки начнутся без меня, а значит, скорее и закончатся. Но ожидания оказались ложными: в вожатской по-прежнему сидели только девки, занимаемая время томительного ожидания открытыми разговорами.

— Как же я хочу секса! — тяжело вздохнула Варя, нервно встряхивая пачку сухарей. — Разве можно жить без секса три недели?!

Ната сочувственно отозвалась ей:
— Не говори. В этот долбаный лагерь и не позвать никого. И самой не вырваться. Два выходных, и то ещё хрен получишь. Приехал бы сюда мой Андрей! Как я скучаю по его губам, по его сильным рукам... Запах его тела такой обволакивающий... Он когда обнимет меня, особенно сзади, то я просто начинаю таять...

Дальше пошли такие подробности, от которых я всеми силами старалась отключиться, чувствуя, как лицо моё заливают краской. Варя и Алинка уже и раньше жаловались на то, что тяжело жить без секса, что мочи нет как хочется, обсуждали, правда ли это, будто размер известного органа определяется по параметрам носа и стопы, можно ли полоскать презервативы под краном и использовать второй раз, и всякие тому подобные вещи. Но они говорили о жизни пола с грубой, бытовой простотой, и я слушала их спокойно, не особенно вникая в тонкости обсуждения. Ната же пустилась в художественное описание деталей, изложив нам всю свою интимную жизнь с этим Андреем, о котором я в тот вечер узнала куда больше, чем хотела, и слушать её было почему-то стыдно до невыносимости, хотя она не произнесла ни одного похабного слова за весь рассказ.

— А что ты, давно того? — вывел меня из оцепенения чей-то вопрос.

Задумавшись, я даже не поняла, кому принадлежал голос — Алинке, Nate или Варе, и от замешательства неопределённо кивнула. Это было, конечно, растолковано девочками так, что я вполне разделяю их страдания.

— У тебя сколько было? — уточнила Варя.

Тут я решила врать, да не завираться, и сказала, что был только один. Кое-какие сведения мной были почерпнуты из книжки «Азбука стервы», которую мама выписала по каталогу «Книга — почтой», да и, кроме того, из разговоров тех же Вари с Алинкой. Девки вцепились в меня, как майские

клещи в лесного туриста, домогаясь, что же именно у меня было и как. Пришлось что-то выдумывать на ходу, чувствуя отвращение к самой же себе за отсутствие смелости сразу сказать правду.

— Ленивый он у тебя был, вот что! — заключила Алинка после описаний моего выдуманного опыта. — Женя куда лучше. Женька вообще крутой: работа у него мощная, и самому двадцать пять лет — наверное, уже нагулялся, не будет по бабам таскаться. Это хорошо.

— А сама Глебку выбрала, которому двадцать, — возразила Варя.

— Очень уж он сладкий! — томно выдохнула Алинка. — Да и я ему нравлюсь. Видела, как он на меня смотрит?! Глазми раздевает! — похвасталась она. — А Лидка менту нравится, это тоже сразу видно.

За разговорами мы не услышали, как парни вошли в корпус, и сидевшая на табурете спиной к двери Алинка взвизгнула то ли от страха, то ли от восторга, когда Глеб, помятив мне, Варе и Nate, чтобы молчали, накинута на неё сзади, стиснув что есть сил. Мент Женя зашёл следом, и в руках у него был привычный пакет с выпивкой и закуской. — Что так долго не шли? Что принёс? — по-хозяйски спросила его Ната.

— Да... Поработать пришлось. В первый отряд вызвали к старшкаам, там два пацана порамсили. — В том отряде, где вожатый такой длинный, светленький? — уточнила Варя.

— Но. Илья зовут. Он меня и позвал. Сам-то ни хрена угомонить не может. А у меня с этими киндерами разговор короткий: обоих по разным углам, койки обшмонал — сигареты нашёл. Ещё раз, говорю, ты, салага, попадёшься — хана тебе.

В соседней комнате, где спали девочки, послышался какой-то шорох и смешки.

— Не спят, сикилявки, — раздражённо заключила Варя.

— Ша мы их уложим, — заверил мент.

Вместе с ним я и Ната прошли в комнату девочек. Женя включил фонарь, обвёл всю спальню ярким лучом. Девчонки, ещё услышав наши приближающиеся шаги, попадали в кровати и все до одной сделали вид, что спят.

— Встаём-встаём, кто не спит, — грозным тоном, в котором скрывалась своеобразная игривость, приказал им мент.

Подойдя к двум средним в ряду кроватям, он осветил фонарём пространство между ними и увидел брошенный впопыхах журнал.

— «Маруся», — Женя поднял журнал с пола, стряхнул с него пыль, вопросительно поглядел на обложку. — Ишь вам, «Маруся». Завтра у вожатых заберёте. А сейчас спать! А то отхожу дубинкой резиновой, есть у меня.

Довольный собой, он засмеялся своим жутковатым утробным смехом. Одна из девчонок тоже нервно захихикала.

— А ну спать! — мент мгновенно вычислил, кто смеялся, и погрозил нарушительнице порядка увесистым кулаком. — Слушайтесь дядю Женю.

Он беззвучно притворил дверь и уже в коридоре выключил фонарь. Теперь только половина его вытянутого лица освещалась узкой полоской света из окна веранды, отчего смуглая кожа казалась жёлтой, будто у какой-то рептилии. Женька поправил на себе форму и всё тем же полупугающим-полуигривым тоном сказал мне:

— Темнота — друг молодёжи, в темноте не видно рожа.

Он и впрямь казался мне другом темноте, будто вылепленным из неё, вместе со своей чёрной формой и высокими берцами, и рядом с ним я ощущала не просто неловкость, а какой-то безотчётный, необъяснимый, но никак не проходящий страх. Он провёл своей лапичкой по моей спине и сказал:

— Пошли, красавица, пить-есть будем.

В вожатской, как по волшебству, уже был накрыт стол на полиэтиленовой зелёной скатерти, где стояли банки с коктейлем и пивом, лежали кексы со сгущёнкой, пачки сухариков, огурцы, редиска и чёрный хлеб.

После первой недели работы с детьми стало ощутимо меньше: все уже освоились в лагере, познакомились друг с другом, записались на кружки и не так много требовали внимания со стороны взрослых. Решив устроить себе выходной от рассказывания сказок, я около одиннадцати часов заглянула в корпус младших «пионеров», где работала Маша, и предложила ей прогуляться по лагерю — хотя бы до душевых.

— Быстро ваши засыпают? — спросила я у неё.

— Когда как. Мы им игрушки выдаём, так они ссорятся: кто с мишкой спит, кто с жирафом. Некоторые плачут, домой хотят. Галина Сергеевна их утешает. Она педагог уже опытный, знает, как успокоить.

Мы прогулялись вдоль корпусов, спустились к тёмной шумящей речке, небо над которой синело мягким бархатом, на самом горизонте переходящим в медленно остывающую алую полосу заката. Июль стоял жаркий, и даже ночи доставалось вдоволь его света и тепла. На берегу пахло речной свежестью, медовым разнотравьем и росшей в изобилии полевой клубникой. Нам хотелось искупаться прямо здесь, но решились мы только на то, чтобы освежить прохладной речной водой лицо и шею.

— Давай в душ сходим, — предложила Маша.

Я согласилась.

Раздевшись донага, мы невольно несколько секунд изучали друг друга, и Маша, осмотрев меня с головы до ног, сделала заключение:

— Ты красивая.

— Спасибо, — ответила я. — Ты тоже.

Машка вправду показалась мне очень симпатичной, только не похожей на меня: она была маленького роста, с большой грудью и широкими бёдрами. Только волосы у неё были такие же длинные, как мои.

Помывшись в душе, мы снова пошли по аллее. Машка рассказывала о своих воспитанниках и Галине Сергеевне, и мне стало казаться, что работает она в каком-то совсем другом месте, нежели я, — настолько у них в корпусе было всё спокойно и чинно.

— Слушай, Маша, — спросила я. — А вторая вожатая, которая с тобой, — она не бухает?

Машка прыснула.

— Ну, один раз мы с ней пива попили, бутылочку на двоих.

— А больше нет?

— Нет... Зачем?

Я вздохнула.

— Понимаешь, мои каждый день пьют, как кони на водопое. Охранник приходит и диджей, приносят пиво, иногда ещё водку, и закусить. И меня всегда с собой тащат. Устала я от этого.

— А ты не ходи, — просто ответила мне Маша.

— Да я не могу, они тащат, и всё. Ещё заставляют то по-французски петь, то легенду рассказывать. — Ну, ты скажи, что не можешь. Не соглашайся, они и отстанут, — повторила Маша.

Я внутренне ощущала, что она права: стоило мне в первый раз решительно отказаться, и девки не таскали бы меня на свои ночные сборища, да и вопросами «про это», пожалуй, не донимали бы. Я вздохнула:

— Ты мудрая.

— Нет, я просто педагог-психолог...

— Слушай, Маша, скажешь мне одну вещь? — немного стесняясь, попросила я.

— Какую?

— У тебя кто-нибудь был? Я имею в виду — парень. Ну, то есть не просто, понимаешь, чтоб погулять, а прямо...

Машка покачала головой.

— Нет. Дружили с одним ещё со школы, но это так, детское.

У меня вырвался радостный вздох облегчения. — Как хорошо! Я уж думала, одна такая осталась.

Машка засмеялась:

— Ну ты даёшь.

— Ты бы тоже себя посчитала уникамом, если бы пожила с моими девками недельку! Они то и дело обсуждают, как да с кем. И меня пытаются.

— Да не слушай ты их. Приходи, в крайнем случае, к нам в корпус, опять погуляем с тобой.

Не согласиться с Машей было трудно: казалось бы, чего проще — отказаться и не ходить, не выпивать и не слушать похабщину? Но, понимая на словах, что подружка права, я всё-таки не могла отбояриться от навязчивых девок и только однажды

осталась в корпусе под предлогом того, что надо рисовать плакат к будущему мероприятию.

Мероприятия в лагере устраивались каждый вечер: этим казённым словом из педагогических отчётов назывались и дискотеки, и конкурсы, и просмотры фильмов, и, главное, всевозможные шоу, изобретаемые фантазией вожатых. Ровно в середине смены планировалось шоу «Минута славы», которое, как я узнала, должны были вести Оля и Илья из старшего отряда.

На эту «Минуту славы» я привела наших воспитанников заранее, сама села в первом ряду и вся превратилась в ожидание. Ольга вышла в кремовом платье до колен, Илья — в брюках и белой рубашке; вели себя и разговаривали они так, будто находились не в пионерском лагере, а, по крайней мере, на любительской сцене университета.

— Дни идут, года летят, — заговорил бархатистым голосом Илья. — Что говорить о минутах? А можно ли их остановить?

Он сделал театральную паузу и ответил сам себе: — Можно, но только в нашем лагере!

Я ожидала, что мы будем просто по очереди смотреть на то, как самые смелые (скорее смелые, чем талантливые) из «пионеров» будут демонстрировать своё искусство петь или плясать, но сценарий оказался куда интереснее. Илья вызывал детей и даже взрослых из зала, проводил с ними конкурсы, вручал маленькие призы за верно выговоренные скороговорки, так что скучать не пришлось ни минуты.

Я любовалась им все полтора часа и ощущала, как мой интерес к нему постепенно переходит в настоящее восхищение. Не в силах сдерживаться, я подошла к Илье после концерта и сказала, что всё было замечательно, а он — настоящий талант. — Да это Ольга всё придумала, — отмахнулся Илья, но по его слегка смущённому взгляду я поняла, что всё-таки мои слова не оставили его равнодушным.

На Алинку выступление Ильи тоже оказало воздействие.

— Вот скелетина какая, — насмешливо отозвалась она. — Наверное, в армию не взяли, так он в пединститут пошёл.

Я в душе возмутилась и хотела сказать, что Илья не такой уж и худой, но сдержалась и промолчала, а Алинка вслух заинтересовалась тем, что было ей близко:

— А где же он спит? У них в отряде воспиталка и вожатая, неужели с ними?

Она не успокоилась, пока не сбегала в первый отряд и не узнала, что Илья спит в одной из комнат мальчиков.

На второй неделе нашей смены ожидалось ещё одно событие, для всего персонала более важное, чем какой угодно матч, концерт или конкурс: должна была приехать с проверкой санэпидемстанция.

К её приезду Алинка надраила снаружи весь корпус, намыла и без того чистые окна и даже протёрла, пользуясь шатким стулом, потолок в длинном коридоре. Но, даже глядя на то, что она целый день не выпускает тряпки из рук, дети не заподозрили в Алинке уборщицу: я бегала с веником вокруг корпуса, выскивая в траве брошенные бумажки да сигаретные «бычки», а Варя, нудно ворча, вытаскивала вместе с девочками мусор из батарей, шкафчиков и тумбочек. Ната же, трясущаяся от волнения при одном только упоминании СЭС, возилась с какими-то таблицами, где нужно было писать, когда у нас убирают комнаты, коридор, туалеты; чем их моют; что хранится в хозяйственном шкафчике. Заполнять эти таблицы вообще должна была Алинка, но Ната сразу махнула на неё рукой и заявила, что с документами справится сама.

Кормили нас, на мой взгляд, всегда неплохо, но в день проверки закатали поистине царский пир. На столики для пущей красоты разложили малиново-белые салфетки, а напротив входа прилепили невесть откуда взявшуюся широкую бумажную полосу с затейливо изогнутыми буквами: «Добро пожаловать!»

Расставляя по столам стаканы, я почувствовала, что у меня кружится голова, и на минуточку присела отдохнуть. Несущая кастрюлю со вторым Варя остановилась на полпути, шатнулась, одичалыми глазами посмотрела вперёд себя и изумлённо прошептала:

— Ёлы-палы! Ведь не много вчера пили!

Варьку качнуло в сторону так, что она едва удержала в руках кастрюлю с гарниром: чудо, что там был не суп — весь пол бы залили красной жижей.

То, что Варя приняла за похмелье, оказалось не чем иным, как землетрясением. Напуганная не меньше нас Шишкина велела всем на пару минут остановиться, замереть, как в детской игре «море волнуется», а потом уж, Бог даст, продолжать сервировку.

— Ну как назло, в тот день, как СЭС приезжает! — недовольно покачивала она головой, и я быстро уловила, что СЭС (да ещё пожарников, которые тоже побывали в лагере с проверкой в начале заезда) начальство боится больше, чем огня, меча, землетрясения и потопа.

За эти пару-тройку минут нас потрянуло ещё разок, к великой радости помогавших нам детей, потом всё как будто устаканилось, и мы накрыли оставшиеся столы. Проверяющие уже были у входа и пока молча смотрели на медленно врывающийся в широкие двери поток ребят.

Аккуратные, украшенные малиново-белыми салфетками столы зазывали к себе запахом свежайшего алого борща, в который мы с Варей не поленились кинуть по ложке прохладной сметаны (да, да, в каждую тарелку). На второе была изумительная, обжаренная в сухарях куриная

котлета и мексиканская смесь из риса с овощами, политая томатным соусом, в котором можно было различить кусочки свежих помидор. В прозрачных, как горный хрусталь, стаканах искрился апельсиновый сок. Ко всему этому великолепию Шишкина распорядилась добавить на каждого по куску огурца и по два пластика солёной селёдки в качестве лакомства—чтобы высокой комиссии уж точно было видно, что трапезы в нашем лагере достойны лучших домов из тех краёв, откуда прибыли господа проверяющие.

Дети прибывали от мала до велика; последним в столовую зашёл старший отряд, бубнящий примитивнейшую, но бодрую речёвку:

Надо—есть! Надо—есть!
Надо, надо, надо—есть, есть, есть!
Как—не важно.
Что—не важно.
Лишь бы, лишь бы, лишь бы—
Есть, есть, есть!

Дети ели с аппетитом: лучшей приправой им были голод и лёгкая усталость после купания на речке. Весёлые, подвижные, они с азартом накинудись и на суп, и на второе, успевая во время еды ещё и переговариваться полуслёпотом. Шишкина, не разрешая ещё себе сесть за еду, стояла в ожидании разговора с проверяющими, однако напряжённое выражение на её лице уже сменилось лёгкой улыбкой. Может быть, она радовалась, глядя на детей и на то, как славно получилось у нас всё подготовить, а может, и просто углубилась в какие-то свои мысли.

Дети понемногу стали расходиться. Наш отряд увела Варя, я же осталась в столовой помогать с уборкой посуды. Проверяющие прошли на кухню, взвесили котлеты, заглянули в баки с варевом, посмотрели, как работает хлебобрезка. Никаких замечаний высказано не было. Напоследок одна из проверяющих, брюнетистая и носатая, напоминавшая мне галку женщина, строго спросила Шишкину:— Вы зачем детям вилки дали? Хотите, чтобы ткнули друг в друга?

— Так это же, извините, оздоровительный лагерь, не тюрьма,—пожала полными плечами старшая вожатая.

— Не тюрьма... Вы бы ещё ножики им положили! Уже когда «галка» отошла на некоторое расстояние, приунывшая Шишкина пробормотала:— И положим... Надо же детей к культуре приучать.

Обратившись ко мне, она вздохнула:— Вот всегда они так, санитары эти, методисты, из роно начальники... Не найдут плохого, так хоть выскажут что-нибудь, настроение испортят...— Да вы не расстраивайтесь, главное—замечаний нет,—робко поддержала её я.

Хотя к вечеру проверяющие уже уехали, отмечив, как я поняла, что в нашем лагере всё нормально, ужин нам подали такой же шикарный, как обед: говяжий гуляш в соусе со спагетти, помидоры, хлеб с сыром, хотя сыр обычно берегли только для завтрака. После ужина выдали кефир—в полтора раза больше, чем обычно. Дети столько не пили, и вожатые, чтобы не пропадать добру, забрали остатки себе.

Вечером в этот раз устроили просто дискотеку, чтобы после изнурительной подготовки к приёму СЭС не мучиться ещё и развлекательной программой. Я осталась в вожатской рисовать альбом, который, как доказательство того, что мы чем-то занимали детей всю смену, надо было сдавать директору.

Помимо мероприятий общелагерных, полагалось ежедневно устраивать и отрядные, писать их названия в альбом, для разнообразия снабжая какой-нибудь картинкой. Татьяна Григорьевна вообще любила рисунки, плакаты, орнаменты и прочие красоты и похваливала меня за то, что часто хожу в платьях:

— Вот нарядится Лидия—приятно посмотреть. На работу как на праздник!

Пока я занималась рисованием, в дверь кто-то постучал. Я подумала, что это ребятишки, и, не желая отвлекаться от кропотливой работы, довольно грубо крикнула:— Что там у вас?

Дверь осторожно открылась, и я увидела Илью. В одной руке он держал чёрный пакет, другой опёрся на косяк, не заходя внутрь вожатской. От внезапности момента я не сразу сообразила, что надо пригласить его войти.

— А-а-а... Заходи, заходи,—сказала я, уже без особого сожаления откладывая своё рисование.

Илья скромно расположился на табуретке, стал вынимать из пакета одну, другую пачку кефира, какую-то плотно закрытую баночку, пару больших вафельных конфет.

— Ты кефир пьёшь?—спросил Илья.—У нас вот это... много осталось.

— Пью, конечно,—радостно отозвалась я, мысленно прибавив: «Особенно из твоих рук».

Илья немного оживился:

— А ещё мы селёдку с обеда собрали. Дети же не едят её! Тоже вот... некуда девать. Будешь?

Я засмеялась:

— Хорошая закуска: селёдка и кефир.

— Ага, и конфетки ещё.

Мы распечатали пачку кефира, стали закусывать вафлями и разговаривать. Илья сказал мне, что учится на матфаке, сюда приехал на обязательную практику и после того, что привелось ему увидеть за эту смену, сильно сомневается, что пойдёт работать учителем: чего только не вытворяют «детишки»!

— Наши тоже на сахар, — разделила я его переживание. — Несколько человек за территорию бежали. Варя со Степанычем их ловили. Сigaretы находили под матрасами. Одного и с пивом поймали — в посёлок успел сбегать с самого утра. Прямо удивляешься.

— Это ещё что. Наши тоже, конечно, и вино, и пиво таскали. Да хуже есть проблема.

— Какая?! — я с замиранием сердца подумала про наркотики.

— Трахаться пытаются, сволочи, — угрюмо отозвался Илья, глядя в пол. — Захожу тут в спальню, смотрю, один лежит — что-то много места занимает. Когда, думаю, так растолстел? Покрывало, одеяло приподнял — а там девка. Я аж обалдел. Ещё и ушла не сразу, ворчала что-то. И другой раз смотрю — все на дискотеку смылись, а двое за шторой стоят... раздеваться начали. Тоже у пацанов в комнате, кстати. Что за девки пошли? Не стесняются ни фиги! — Ну хоть не все? — спросила я с надеждой.

— Не все, слава Богу. Есть хорошие. Оля Комелькова — спортсменка у нас, волейболистка. Потом Диана, Юлия. Парни тоже нормальные есть, которые не бухать бегают, а брейк танцуют. Один вот даже математикой углублённо занимается. Только мало таких! Больше дебилов. Да даже если будет много нормальных, всё равно два-три человека так изматывают! Надо хорошо подумать, стоит ли всерьёз с этим связываться.

Я поневоле согласилась.

— Вообще, конечно, любой опыт ценен, — философски заметил Илья.

Поговорить мы успели недолго: в вожатскую ворвалась Алинка и, приметив Илюху, не собиралась скрывать своего удивления:

— Здорово! А ты чё это тут делаешь?

— Кефир принёс.

— О! Бухаете с Лидкой! — одобрительно хмыкнула вошедшая вслед за Алинкой Варя. — В кефире же два процента алкоголя.

Илья смял свой пакет, засобиравшись:

— Пошёл я. Дискотека кончается, наверное.

— Да посиди с нами! Воспитательница твоя загонит детей. Давай посидим, — развязно пригласила его Варя.

— Сами сидите. А мне недосуг, — буркнул Илья и, не закрыв дверь, вышел.

— Слышь, офонарел?! Ты как нас назвал?! — дурниной заорала ему вслед Алинка.

Я не выдержала и рванулась вслед за Ильёй, догнав его уже возле корпуса, и бросила нарочито небрежно:

— Ты заходи!

Он улыбнулся тонкими губами, кивнул, и этого мне было достаточно, чтобы на долгие десять секунд, которые предстояло идти обратно до вожатской, погрузиться в не видимое ничьим глазам блаженство.

В вожатской на меня тут же накинулась Алинка: — Тебе чё, длинный нравится?

За минувшие десять дней я устала врать и ответила коротко:

— Да.

Алинка захохотала:

— Ну ты чё?! Он же тощий. Будет об тебя костями биться!

— Что ты наэтываешь? — не согласилась Варя. — На мордашку симпатичный. Просто подкачаться бы ему. Ты чего нам сразу не сказала про Илью? Мы тебя с Женькой это... скрещиваем, а тебе Илюха нравится.

Впервые за смену я засыпала счастливой. Гулять девки нынче ушли без меня, то ли проявив невиданное с их стороны уважение к чужим чувствам, то ли просто махнув на меня рукой. Я попыталась устроиться на кровати поудобнее, но заснуть смогла далеко не сразу от окутывавшей всё моё тело сладкой истоми. Шум в ушах перерастал в звуки песни, в которой героини летят высоко меж звёзд и облаков. Казалось невозможным оставаться на месте, меня охватила какая-то неистовая жажда деятельности. Я схватила альбом и с обратной стороны простым карандашом начала рисовать речную гладь, лодку с двумя вёслами, пару лебедей и немного успокоилась только тогда, когда набросок был закончен.

Утром из космического полёта меня вернул резкий голос Наты:

— Родительский день завтра будет. Наша очередь придумывать сценарий. Ты займись.

Я хотела спросонья возразить, что Варька тоже может помочь мне чего-нибудь наэтывать, но моё сознание озарила прекраснейшая идея: написать сценарий в одиночку от «А» до «Я», порепетировать с детьми, а когда вечер удастся, похвастаться Ильёй, что это я всё придумала и воплотила. Будет повод поговорить, а потом, глядишь, и зайти к ним в корпус.

Я написала несколько стихотворений о жизни в лагере, которые показались мне смешными, выдала детям бумажки, чтобы учили наизусть моё творчество, подыскала двух ведущих и набросала им вопросы для зрителей. В день Х я надела своё лучшее голубое платье, сине-бело-зелёное бисерное кольцо, серебряные серёжки и села поближе к Ильёй — как будто случайно.

Программа моя начала проваливаться с самого начала: первый ведущий переврал слова, другая глотала окончания. На один из вопросов для родителей, к общему конфузу, никто из мам-пап не смог ответить — выручила Машкина воспитательница Галина Сергеевна.

«Ничего, — подбадривала я себя. — Есть ещё стихи».

Две моих «пионерки» вышли на сцену и проговорили без особого выражения:

Мы уборку проводили, артефакты находили.
Это чай или компот? Кто-то в нём уже живёт.
Вот носок зелёный пыльный и флакон какой-то мыльный.
Лавка древности, наверное? Шапки, бантики, рубли...

богатством и не устал поражать своей щедростью.
— Расскажи нам что-нибудь, — развязно попросила Варя.

Последнюю строчку девчонки грянули неожиданно громко:

Это мы за батареей при уборке клад нашли!

— Напридумывают же всякую чушь, — проворчал рядом со мной Илья. — Ещё и читать не умеют.

Другой отрывок был про то, как «пионеры» дружно уклоняются от утренней гимнастики, притворяясь больными:

Эпидемия скосила за ночь всех ребят подряд?

Это просто на зарядку собирается отряд!

Я уже не надеялась на многое — хватило бы снисходительного молчания, но Илья и на этот стихок хмыкнул что-то ироническое. Сердце у меня кольнуло от обиды. Я и сама видела, что вечерок выходит не очень, но слышать едкие замечания от Ильи было уже слишком. Поначалу мне очень хотелось сказать ему, что эти стихи и вообще весь сценарий выдумала я, и, между прочим, старалась, — а у кого первый опыт выходит удачным?! Потом мне захотелось посмеяться вместе с Ильёй, сделав вид, что на сцене представляют вовсе не моё творчество, но было всё-таки жаль высмеивать собственный труд.

В итоге я не сказала ничего и после концерта молча ушла в вожатскую, нарочно заставляя себя не глядеть, в какую сторону пойдёт Илья. Утешением мне послужила только неожиданная похвала от Шишкиной, которая как-то сразу догадалась, кто сочинил нынешние опусы:

— Забавные стишки у тебя! И вообще, Лида, ты молодец. Только тебя надо направлять.

Вечером девки опять стали тащить меня в каморку на втором этаже. Я отнекивалась тем, что устала, но Ната начальственным голосом урезонила меня: — Что это ты придумала отлынивать? Это вечерняя летучка у нас. Явка обязательна.

— Корпоратив! — хохотнула Варя.

— Не хочу. Идите сами, — отказалась я.

— Ну-ка, собралась и пошла, — грубо сказала мне Ната. — Мент сегодня вино привёз, не абы что, в город ездил.

Бутылка красного виноградного вина, да ещё коробка дешёвого сливового уже стояли на полке, когда мы с девками вошли в полутёмную каморку. Кроме вина, Женька купил торт, груши, апельсины, пару плиток хорошего шоколада. Я давно удивлялась, как ему не жалко своей зарплаты: казалось, что всё заработанное в лагере он должен был спустить на гулянки подчистую. Но мент, как подземный царь, обладал неистощимым

ко мне обращали не раз, я уже читала вслух и отрывки из «Онегина», и «Песни западных славян», и пела по-французски, и рассказывала что-то про основание Красноярска. Первые пару раз то, что меня слушают, казалось забавным и подпитывало тщеславие, но скоро стало понятно, что просят меня рассказывать и петь, просто чтоб заглушить скуку и ещё хуже того — чтобы иметь возможность кем-нибудь покомандовать. Впрочем, желание над кем-то куражиться возникает не из чего ли иного, как из той же самой скуки и не заглушаемой никакой житейской суетой маелной пустоты?

В ту ночь запас моего терпения иссяк, и я зло огрызнулась:

— Что рассказывать-то вам? Не знаю я больше ничего.

— Ну, ну. Не знаешь, так не знаешь. Потом вспомнишь, — Ната ножиком взрезала коробку со сливовым вином.

— Погнали, на, — произнёс тост Женька.

Минут через пять новость откуда появился Глеб, держа в руках несколько порций мороженого.

— Где взял? — вытаращилась на него Алинка.

— Поварихи дали, — похвастался Глеб. — Завтра день Антарктиды, Шишкина заранее мороженое привезла.

— Что ты там с поварихами сделал, что они тебе дают? — заржал мент.

Мороженое расхватили мгновенно. Алинка нетерпеливо сдёрнула обёртку и сладострастно принялась облизывать шоколадный верх эскимо. — А ты всё проглотить сможешь? — с подначкой спросила её Варя.

— В смысле? Да легко!

— Не сможешь!

Алинка сделала секундную паузу, потом запихнула всё мороженое в рот целиком и медленно вытащила.

— Во! — победно крикнула она. — Сама-то сможешь?

Варька повторила фокус, только не вытаскивала мороженое дольше, чем вызвала всеобщее веселье.

Я жалела, что не умею оборачиваться какой-нибудь птицей или исчезать с места по щелчку пальцев. Чтобы поменьше смотреть на происходящее, я отодвинулась к самому окну и вдруг увидела, что в одной из комнат нашего корпуса горит свет.

— Свет включили! — воскликнула я. — Что-то произошло!

— Да не парься, — Ната попыталась усадить меня обратно, но я подорвалась, наскоро обулась и, уже

не обращая внимания ни на чьи оклики, ринулась в корпус.

Оказалось, одна из наших девочек накануне поела суши (привозить их запрещала директор, но многие родители были уверены, что лучше знают, какие запреты принимать, а какие обходить), её начало тошнить, а потом и вырвало прямо на пол в палате — как раз когда я ворвалась в корпус. Я успокоила девочку, чувствуя невыносимый стыд за то, что мы все оставили её одну, когда ей было плохо, — девочка, конечно, стучалась в вожатскую, звала нас на помощь.

Через несколько минут пришла Ната, отвела ребёнка в медпункт, где ей дали активированный уголь и оставили на всякий случай спать прямо в боксе.

Наутро об этом случае узнала Шишкина (девочка сказала медсестре, что сначала её просто мутило, но отвести сразу в медпункт было некому) и устроила нам взбучку.

— Чтоб никуда у меня не отлучались, слышали?! Не то... — она бессильно погрозила нам кулаком. — А если бы кровь у кого-нибудь горлом пошла? Вы же с детьми... дети на вас! Вы что творите?

Она посмотрела пристально прямо на меня и спросила:

— Ты тоже была там?

Мне пришлось признаться. Шишкина не сказала ничего, только посмотрела укоризненно, однако этот взгляд был для меня хуже всяких слов.

С девочкой обошлось, но, не желая больше нарываться на выговор начальства, Варя с Натой решили теперь не ходить в каморку, а собираться всегда в нашем корпусе. Чутьку подустав от гуляний, девки стали всё-таки делать паузы: звали диджея с ментом не еженощно, а через день. До конца смены оставалась неделя, и как-то пережить её стало моей основной, не такой уж и лёгкой, жизненной задачей. Плюнув на всё, я перестала пытаться угодить девкам, отказываясь увеселять их, и за эту внезапную перемену в моём поведении они начали потихоньку мстить: отпускали в мою сторону шпильки, измазали полотенце зубной пастой, сбрасывали мои вещи с общего стола на койку, выкинули или, может быть, куда-то спрятали рисунок берёзы, который я сделала не для лагеря, а для себя. На ночных сборищах я уже перестала садиться за стол, но спать мне всё равно бы не дали, и я уходила сразу после отбоя и сказки в корпус младшего отряда. Мы пили чай с Машей, её напарницей, с воспитательницей Галиной Сергеевной, и я, не жалуясь им на свои передрыги, просто отдыхала душой среди приятных людей. После этих посиделок я возвращалась в корпус успокоенной, немного повеселевшей и думала о том, что вспомнить после этого сезона можно будет всё-таки немало хорошего.

Девки, мент и Глеб тоже хорошо осознавали, что скоро от лагеря останутся одни воспоминания, и, судя по их разговорам, решали для себя, стоит ли им продолжать общение там, на «большой земле». — Уедешь скоро, музыкант, — вздыхала Алинка, лаская диджея хмельными глазами. — Уедешь и не вспомнишь Алиночку.

— Как тебя не вспомнишь, такую горячую?

Алинка промычала что-то невнятное, а потом обратилась уже к менту, нарекая его неслышанно нежным именем:

— И ты, Евгеша, уедешь! Спасибо тебе, как это говорится... за хлеб-соль. Отдохнул тут с нами, поедешь опять всяким малолетним дебилам мозги править. Будешь им в башку ум вгонять. А в свободное время расслабляться будешь. Я зна-а-аю, у вас на работе там шалманище. Мать рассказывала. Проституток бесплатно пользуете.

— Ты чё пристала к человеку? — вступилась за мента Варя. — Он пашет как конь — всё ради нас! Он имеет право отдыхать. А кто отдыхать не умеет, тот и работает хреново! — кивнула Варька в мою сторону.

Илья с того выступления на родительском дне больше не проявлял никаких знаков внимания, и мне пришлось с грустью заключить, что я его не заинтересовала. Правда, в столовой или на речке, когда мы вдвоём приводили детей, он очень приветливо здоровался со мной и даже приобнимал за плечи — но что же с того?

И всё-таки дня за четыре до конца смены, лоясь отдохнуть на пару минут, я спиной почувствовала что-то жёсткое под своими лопатками. Под покрывалом оказалась свёрнутая плотная бумажка. Крупным почерком в ней было написано: «Приходи сегодня в 11 часов вечера к душевым. Илья».

Я схватила записку, сунула её в наволочку и, напевая себе под нос песню про небо, стала лихорадочно думать, что бы мне надеть. Выбор пал на зелёное платье до колен, с атласным шёлковым поясом. Вечер в этот раз прошёл спокойно, после отбоя в вожатской осталась только Варя — она валялась на кровати и с самым равнодушным выражением лица играла в «змейку» на телефоне. — А где Ната? — спросила я.

Варя ответила, что Ната с Алинкой ушли в столовую праздновать чей-то день рождения, а её оставили караулить детей. Обрадовавшись в глубине души, что убралась они очень кстати, я виновато попросила Варю побыть в вожатской, пока я схожу до душевых.

— Будь спок, — заверила меня Варя, лениво перекатываясь со спины на живот и не выпуская из рук телефона.

Я пошла к душевым, еле сдерживая себя от того, чтобы не побежать, и на каждый мой шаг сердце отзывалось гулким толчком.

Ровно в одиннадцать часов возле душевых никого не было.

— Илья! — позвала я робко, глядя в темноту.

Молчание и тишина. Листья папоротника покачивались на лёгком ветру, как крылья сказочных птиц.

— Илья! — позвала я снова, уже уверенней.

Я жутко вскрикнула от холода: поток холодной воды окатил меня с головы до ног. Разлепив глаза, я увидела перед собой ухмыляющихся Натю и Алинку. Ведро уже стояло на земле, так что нельзя было понять, кто именно из них окатил меня. Скорее всего, обе сразу.

Я смотрела на них сквозь пелену мгновенно набежавших слёз. Чувства обиды, жалости к себе, нежелания верить, что всё это происходит здесь и сейчас, переполнили меня до краёв, и слёзы хлынули из моих глаз ручьём.

— Ты что? — подскочила ко мне Алинка. — Ты не плачь! Детей напугаешь!

Но я взревела, как изюбрь в осеннем лесу, уже не в состоянии думать о том, услышит ли меня кто-нибудь и что решит, если услышит. Обрушившись прямо на траву, я плакала безутешно, уже не столько жалея себя, сколько не понимая, почему люди способны на такие злые шутки.

— Прости! — Алинка протягивала мне руки, чтобы обнять. — Я не хотела. Я не думала, что так будет.

Ната язвительно возразила ей:

— Ага, не хотела. Ты сама же и придумала с Ильёй какой-нибудь приколы сделать.

— То раньше было, а то сейчас!! Я не знала же, что она так убиваться будет...

Алинка нерешительно обняла меня — скорее, ощупала руками, боясь, что я разобьюсь ненароком. Я не отклонила её, но продолжала плакать, вся дрожа.

— Пошли, пошли, — поторопила Ната. — Лидка, перестань реветь. Извини, правда. Мы переборщили.

Она сбегала за общим стаканом в душевую, принесла мне воды, чтобы перебить икоту. Кое-как успокоившись, я спросила:

— Илья знает, что вы придумали?

— Не-е-ет! — выразительно замахала руками Алинка. — Ты что, конечно, нет. Да вообще я даже не видела его сегодня. Наверное, выходной взял.

— Да и не думай ты о нём! — посоветовала мне Ната. — Ни рыба ни мясо этот Илья. Вообще, нормальный мужик в учителя не пойдёт. Тут сама-то не от хорошей жизни, а уж чтобы парень...

Мы как будто заключили худой мир, но на следующий день дети внезапно узнали, что Алинка — просто уборщица, а никакая не вожатая. Всю смену она вместе со мной, Варей и Натой проводила вечерние огоньки, по-хозяйски разговаривала с «пионерами», а то, что мыла ежедневно палаты, никого особенно не смущало — как я уже говорила,

мы с Варей тоже регулярно махали веником в коридоре. Но тут «мажор» Валера застал Алинку за работой более грязной — чисткой туалетов — и растрезвонил об этом мальчишкам. Когда Алинка, вернувшись в корпус, отдала одному из пацанов какое-то приказание, он насмешливо скривил губы: — А вы не вожатая, не воспитатель. Вы просто техничка.

Ната, услышав этот протест, ругнулась на пацанов, но толку не было. Алинка в одночасье потеряла авторитет, может быть, не столько за свой обнаружившийся род занятий, сколько за обман: ведь всю смену прикидывалась педагогом. И внешность её не подводила: выглядела она солидно, лет на двадцать — по крайней мере, при макияже, а тут такая оказия.

Варя собралась репетировать с несколькими девочками танец к закрытию лагеря. Танец девочкам почему-то не понравился; через закрытую дверь я слышала, как Варя убеждала их, что без танца нельзя, что это заключительный концерт — событие важное, но в итоге вышла явно рассерженной. Во мне вспыхнуло злорадное чувство: подойдя к девочкам, я спросила их:

— Что, не хотите Варвары Алексеевны танец?

— Да это дурацкий танец! И музыки у нас подходящей нет. Нам надо быстрое что-то, молодёжное, а она хочет типа румбы. Она сама эту румбу не знает как танцевать.

— Конечно, не знает, — вдруг поддакнула я. — Она же не хореограф. Ну и не танцуйте. Мы лучше песню споём. Кирюху попросим фокусы с картами показать.

Обрадованные тем, что не придётся репетировать, стараться, да ещё искать музыку, девочки разлеглись по койкам и объявили забастовку.

Кончилось тем, что вечером в корпус явилась Шишкина и как с ножом к горлу пристала ко мне с вопросом:

— Ты зачем это делаешь?

Я решила поиграть в дурочку:

— Что делаю? Ничего я не делаю.

— Зачем детей настроила против Вари? Они тебя любят, они всему, что ты скажешь, поверят. Иди теперь и сама уговаривай их выступать.

Шишкина пошла к девочкам вместе со мной. Удалось достигнуть компромисса: Варину румбу заменили на какое-то бодрое «зажигалово», но плясать девочки согласились.

Узнав, что я немного рисую, Татьяна Григорьевна поручила мне сделать к закрытию большой плакат с речкой, соснами на берегу и солнышком поярче. — Чтобы, как помотришь, так и захотелось ребёнка привезти в наш лагерь отдыхать! — коротко объяснила она суть рекламного проекта.

На столе в вожатской я развернула большой лист ватмана, приготовила коробку свежей гуаши, воду в двух баночках, кисти, тряпку.

— Ты нарисуешь лучше такой малиновый закат на берегу. Интереснее будет и романтичнее,— посоветовала Ната.

Варя возразила:

— Это тебе не какая-нибудь эротика, закаты да пляжи. Лагерь-то детский. Так что правильно Григорьевна про солнышко сказала. Побольше в траве цветочков наэтывай.

Я закрасила верхнюю часть ватмана нежнейшим светло-голубым тоном, разместила в верхнем углу пуховое белое облачко. Карандашом наметила высокие сосны и каменистую дорогу между ними, которая вела к корпусам с двускатными крышами. Внизу, над слегка нависающим берегом, должна была плескаться вода.

Чтобы хвоя у сосен получилась жизнерадостного цвета, я захотела добавить к зелёной гуаши немного жёлтого и зачерпнула кисточкой изумрудную тягучую краску. Густая капля упала на Алинкины наушники, которые остались лежать на столе и по рассеянности не были убраны ни ей, ни мной.

Признаваться в своей оплошности мне не хотелось. Я наскоро вытерла злополучные наушники тряпкой, надеясь, что всё обошлось и они ещё послужат хозяйке. Но наушники, видно, пострадали от краски всерьёз: вставив их в плеер, Алинка вначале разругалась безадресно, а потом, сообразив, чьих это рук дело, кинулась на меня с воплями: — Слышь, художница! У тебя откуда руки растут? Что, не видела, чё красишь?! Гони наушники мне, овца!

В тот день и предыдущий она была злой из-за детских насмешек, и, чтобы я точно не отвертелась от покупки, позвала в корпус свою мать. Та очень внятно и доходчиво пояснила мне, что за чужие испорченные вещи надо платить, а заодно и пригрозила на прощание дочке:

— Смотри у меня!

Я нехотя пообещала заплатить, но настроение было испорчено, тем более что девки наперебой стали вспоминать мои старые грехи, вроде неубранной тумбочки или опозданий на обед, и не успокоились до самого ужина. Слушать их мне было трудно уже физически. До смерти мне надоели пьяные посиделки, пошлые анекдоты, бессмысленный трёп, недосып, постоянная суета и невозможность хоть на пару часов расслабиться и побыть наедине с собой.

Назавтра, за два дня до конца смены, мне исполнилось девятнадцать лет. Поразмыслив немного, я решила никому не говорить об этом событии, даже детям или Маше. Лагерь — большая деревня, скажешь одному — узнают все, и чёрта с два потом отвяжешься от того, чтобы опять пить водку с соком, слушать пьяный гогот и поздравления, больше похожие на издевательства. Ещё и проставляться

придётся, а деньги лучше побережечь, подкопить и взять потом на них что-то полезное.

После ужина мне позвонила мама и сразу после приветствия спросила:

— У тебя деньги есть?

— Есть,— ответила я.

— Ты хоть дойди до посёлка, купи там винца, купи колбасу, дыньку, накрой стол.

— Не хочу.

— Как не хочешь? Это же твой день рождения. Надо учиться гостей принимать.

Последние две с лишком недели если чему и научили меня, так это говорить «нет», и я твёрдо отказалась:

— Не хочу.

— Не поймёшь тебя, что ты за человек! — раздражённо воскликнула мама. — Семёнова твоя звонила, спрашивала, скоро ли ты приедешь. Хочет тебя поздравить, подарок прикупила. Даже сказала, что может прямо в лагерь к тебе приехать.

— Не надо мне её, никого не надо! — воскликнула я, хотя речь шла о моей школьной подруге. — Пусть дома сидит, делать ей нечего!

— Ну и шут с тобой! — «благословила» меня мама и положила трубку.

Мне вправду было не нужно никого, ничего: ни Семёновой с её навязчивыми обнимашками, ни подарков, ни поздравлений, особенно в стихах. Глупые поздравления в стихах! Я их просто ненавижу.

Я ненавидела пьяную румяную рожу Глеба, глупо ухмыляющуюся лошадиную морду Женьки, чёрные Алинкины глаза и ямочку на её пухлом подбородке, короткие ноги и прилизанные волосы Вари, растянутые «московские» интонации Наты. Ненавидела тесноту вожатской, холодную утреннюю кашу, кисель с мерзкими плёнками, ржавые трубы в душевой.

В день моего рождения директриса пригласила в лагерь аниматоров. Они привезли киноаппарат; кучу узких, как ленточки, воздушных шаров, которые в надувном виде были похожи на сосиски и скручивались в разные фигурки; несколько ящиков разного другого добра, потребного для показа фокусов и проведения мастер-классов.

Шишкина уже после завтрака подошла к нашей четвёрке и сказала:

— Сегодня у вас выходной. Дети заняты на целый день до ужина. Отдыхайте.

«Вот и прекрасно,— с каким-то злорадством подумала я.— Уйду в лес до вечера и буду гулять одна».

До обеда я действительно ходила в лесу, собирала и ела уже подсыхающие ягодки земляники, рвала на опушках белобокую полевую клубнику, травянистую на вкус, но безумно ароматную. Мимо ног моих прошмыгнул бурундук, по веткам прыгали рыжие белки. В муравейниках

копошились чёрные и красные муравьи, в сумрачных уголках сосняка звенели комары, ныряли в воронки открытых цветов пчёлы — лес жил своей жизнью, в которой человек был если не лишним, то, во всяком случае, легко заменимым элементом.

На обед развлекательную программу прервали. Мы загнали «пионеров» поесть, потом вернулись в корпус.

— Спать надо, спать, — зевая, произнесла Варя. — Всю смену бегали, мотались, теперь положим.

Глеб уже разлёгся на Алинкиной койке, закинув руку под голову и заняв чуть ли не всё место. Он и раньше часто ложился спать днём, в полуденное безмолвие, когда речка, деревья и даже небо немели от зноя, а ближе к вечеру просыпался и настраивал свою музыку.

— Имей совесть, подвинься, — слабо пихнула его в плечо Алинка.

Он лениво повернулся на бок, по-хозяйски закинув ногу на подружку, и свободной рукой прижал её к себе.

— Надо — спать, — повторила Варя, на сей раз отчётливо, как строку стихотворения, и Ната отозвалась ей, тоже плюхаясь на койку словно подкошенная:

— Надо, надо, надо — спать, спать, спать!

— Как — не важно! — Алинка слегка приподнялась с подушки и тут же брякнулась назад, будто брошенная кукловодом марионетка.

— Где... С кем — не важно! — поправила сама себя Варя.

— Лишь бы, лишь бы, лишь бы — спать, спать, спать! — хором грянули девки и замолкли.

Посмотрев какое-то время на них, уже, наверное, погрузившихся в дремоту, я с удивлением подумала: вот оно, то, к чему я стремилась, кажется, так долго, — чтобы все они уснули и оставили меня в покое. Но радости почему-то не было.

Мне захотелось надеть голубое платье — самое красивое, сшитое тётей, с рукавами-фонариками, и бело-сине-зелёное кольцо: всё-таки у меня праздник. Закрывшись на всякий случай дверью, я переоделась, обула серебристые балетки и вышла гулять.

Корпуса с синими и малиновыми крышами стояли притихшие, сиротливые: всех детей от мала до велика согнали в столовую и клуб. Одним крутили мультики, других развлекали фокусами и учили мастерить какие-то поделки. И из клуба, и из столовки время от времени слышались взрывы смеха, одобрительные возгласы. Мне хотелось по голосам угадать кого-нибудь из своих воспитанников, но в толпе из трёх отрядов это оказалось невозможно.

Я прошла по аллее до душевых, повернула направо и спустилась по сыпучей песчаной тропинке на берег реки. «Пионеров» мы водили купаться в другом месте, где специально для безопасности спуска соорудили деревянную лесенку с перилами

и где была поставлена времянка — в ней жил в одиночестве старик-таджик, обслуживавший все постройки и технику лагеря.

Я сидела на берегу, потеряв чувство времени, и смотрела сквозь реку, сквозь прибрежный низкорослый ивняк, сквозь темнеющие на дальнем берегу сосны, как будто всего этого не существовало и всё это просто показывалось мне по киноаппарату — скучные кадры бесконечного фильма. Не существовало и меня — сегодня был день моего рождения, но никто об этом не знал. Эсэмэски, сыпавшиеся с утра на мой телефон, не считались. Некоторые я даже не стала открывать.

Прошёл час, а может быть, два, и я услышала рядом с собой чьи-то шаги. Это был старик. Он вежливо поздоровался со мной и попросил позволения сесть.

— Садитесь, пожалуйста, — учтиво пригласила я его на поваленную берёзу.

Старик немного порасспрашивал меня о том, где я учусь, кем работают мои родители. Потом обернул ко мне смуглое в морщинах лицо и сказал, понижая голос до интимной ласковости: — Знаешь, Лида, что я тебе предложу? Выходи замуж за моего сына.

Увидев, наверное, изумление на моём лице, таджик проговорил:

— Он молодой, двадцать семь лет, и образование у него, экономист. Жена ему хорошая нужна, работающая. Я смотрю за тобой — ты послушная, скромная. И дети любят тебя, матерью хорошей будешь. И красавица-а-а!

Старик улыбнулся и игриво мотнул головой. — Соглашайся, дочка. Что тебе тут делать? Я смотрю, тут девушки нехорошие. И парни нехорошие. Ты не такая. Я бы тебя отсюда забрал. Сыну моему женой была бы.

Я поёжилась от порывов ветра: холодать начало ещё с утра, к реке потянулись клочковатые облака, а теперь становилось совсем зябко, и пришлось встать, чтобы не замёрзнуть — кофту я с собой не захватила.

— Дождь будет, — сказал старик и, видя, что я собираюсь уходить, повторил своё предложение: — Соглашайся. Что тебе тут делать?

Я посмотрела на его смуглое и сморщенное, как курага, широкое лицо, и покачала головой: — Да нет... Спасибо.

— У нас семья дружная, работающая. Я тут денег зарабатую и вернусь. Дом есть, сад есть. Как в раю будешь жить! Ты что, думаешь, обижать будем, а? — Нет, я так не думаю! — воскликнула я совершенно искренне.

— А что тогда?

Ветер морщил воду, покрывая всю её свинцово-серую гладь рябью. В воздухе запахло свежестью, дышать стало легко. Чтобы чем-нибудь занять себя, раз уж этот неловкий разговор не прекращался,

я зачерпнула с берега горсть светлых камешков и один за другим стала швырять их в воду.

— Паранджу не будешь носить, не бойся,— то ли пошутил, то ли всерьёз успокоил старик.

Я неловко усмехнулась и сказала ему то, во что сложно поверить, а ещё трудней — проверять: — Да нет... Я это... Родину люблю.

Персиянин одарил меня мудрой улыбкой:

— Ну, ты всё же подумай, дочка.

Медленными шагами он удалился в свою времянку.

Старик правильно угадал насчёт дождя: с серенького неба начало накрапывать, а через пару минут дождик полился такой, будто наверху его сеяли через мелкое сито. Камешки на берегу покрылись крапинами, потом совсем потемнели, песчаная дорожка намочла, и наверх я поднялась уже по деревянной лесенке.

Не ускоряя шаг, я дошла до душевых и остановилась там под козырьком крыши, вспомнив, как девки окатили меня ледяной водой. Сейчас вода лилась с неба сама — ласковый, тихий дождик, после которого, наверное, начнут расти в лесу грибы. Самое им время. Скоро закончится знойный июль, недели, когда от жары растрескиваются сухие бурые стручки акации. Наступит август — тёплый, обильный такими вот добрыми дождями, орехами, грибами, падающими в тёмно-синих ночах звёздами.

Я вытерла тыльной стороной руки набежавшие слёзы. Дождь припустил сильнее, замочил мои ноги в серебристых балетках. У меня не было с собой часов, и я не знала, долго ли оставалось до ужина, но надо было на всякий случай возвращаться в корпус. Я вышла из-под крыши, побежала по аллее, сначала прикрывая голову руками, а потом сообразив, что это ни к чему — всё равно намочку.

Я пробежала мимо клуба, откуда всё ещё слышались дикие возгласы каких-то мультяшных персонажей, мимо столовой, мимо корпусов младших отрядов. Мне подумалось, что вот уже через месяц с небольшим остатком кончится лето, все эти постройки опустеют, стихнет гул голосов, умолкнет музыка, двери закроются на ключ, и место будет безлюдным всю долгую осень и зиму. Каждый, кому случится проезжать мимо посёлка, не заметит даже ярко-малиновых и синих крыш корпусов: их засыплет снегом, и они сольются в одно белое полотно вместе с дорогой, недвижимой речкой и зимним небом.

Я почувствовала, что мне жаль будет расставаться с лагерем. В сердце моём уже не было никакой ненависти; да и не выдала ли я за ненависть обыкновенное желание уединиться и побыть со своими мыслями в стороне от людей?

Я не сразу вошла в корпус, всё ещё прикидывая, далеко ли до ужина и стоит ли беспокоить девок и Глеба, которые могли ещё спать. Но внутри были

слышны чьи-то шаги, так что я вошла и уже в коридоре наткнулась на Нагу, которая ахнула при виде моего промокшего платя.

— Ты где это была? С Илюхой, что ли, под дождём гуляла?! Иди давай переодевайся, блин, сушишь!

Я послушалась, переоблачилась в джинсы и футболку, снова спрятавшись за дверью вожатской. Глеб и Алинка ещё спали, обнявшись, а Варя сидела на кровати, расчёсывая волосы.

— Болею я сегодня,— низким голосом пожаловалась она, завидев меня.

Я подумала, что она простыла, и предложила таблетки от горла. Варя грустно усмехнулась:

— Да не так я болею...

Мне всё же захотелось полечить её свежим чайком, да и себя согреть заодно. Чайник у нас был контрабандный, привезённый мной из дома — пахнущий пластмассой «Витёк» (так я его называла), счастливо выигранный в лотерее «Эльдорадо». Держать чайник запрещалось по правилам электробезопасности, да девки и редко баловались чаем, предпочитая ему совсем иные напитки. Но в дождливый вечер, когда за окном сыро и ветрено, он казался очень кстати.

Пока мы пили чай с конфетами-карамельками, проснулась Алинка: застонала, потягиваясь в кровати, и ловко, как ящерица, соскользнула вниз, не задев Глеба.

— Что это вы чаи гоняете? — зевнув, спросила она. — Что за праздник?

Я, не ожидая от себя, выдала:

— День рождения мой.

— День рождене-ения?! — протянула Алинка и, сощурившись на меня, ругнулась: — Ты чё ж молчала, коза драная?

Сообразив, что это сказано ласково, я сказала: — Не хотела отметить.

— Не хотела! — возмущённо воскликнула Алинка. — Это не твоё дело решать. Человек родился — значит, праздновать нужно. А то он как будто и не живёт.

Я не могла с нею не согласиться. В тумбочке у меня лежали бесполезные триста рублей: посёлок был не очень близко, и пока бы я добралась до него, магазин точно оказался бы закрытым.

— Надо Женьке позвонить, он в городе, — смекнула Варя. — Пусть арбуз купит, шоколадки. Ты какие любишь?

— Молочные, — призналась я. — Да вы погодите, мне вернуть особо нечем. У меня триста рублей всего...

Варя только махнула рукой.

— Минералочки ещё пускай привезёт, голова трещит... Это ты вовремя сказала. Он как раз, наверное, собирается назад.

После ужина Глеб включил музыку. Уставшие от долгого сидения «пионеры» быстро стянулись к площадке на звуки заводных мелодий. Одни

танцевали, другие, сжучковавшись по двое-троечетверо, что-то обсуждали: впереди был итоговый концерт и прощальный костёр.

В вожатской со стола убрали все тетради, альбомы, листки, отцепили даже лампу-прищепку. На зелёной клеёнке лежали сочные ломти арбуза в широком блюде, открытые банки шпрот, кексы с начинкой, чипсы, разломанные шоколадки, несколько банок пива и коктейля.

— Ну, с днём рождения тебя, фея ты наша! — подняла Ната голос.

— Вздрогнем! — поддержал Женька.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Спасибо-то спасибо. А знаешь, Жека-то как старался, арбуз выбирал? Я ему говорю: выбирай там получше. А ты — «спасибо», — проворчала Варя.

Смутившись, я полезла в тумбочку за деньгами, протянула их Жене.

— Да брось ты, — он отодвинул ладонью мои бумажки.

— Ты нам сказку лучше расскажи, — потребовала Алинка. — Мы тебя кормим, а ты нам всякое интересное рассказывай.

— Да зачем вам это? — недоуменно спросила я. — Сказки... я же их детям говорю.

— А мы тебе не люди, что ли?! — возмутилась Варя. — Мы тоже хотим что-нибудь интересное узнать.

Я стала выбирать в уме сказку.

— Про двух рыбаков и сокровища в пещере?

— Убили кого-нибудь из-за этих сокровищ? — строго спросила Алинка. — На фиг. И про покойников воскресших тоже не надо, не люблю зомбаков.

Я сделала новую попытку:

— Про потерянный рай?

— О! Хорошая тема, — оживилась Варя.

Я начала рассказывать сказку Андерсена «Райский сад». Алинка уселась поудобнее, обняв железную спинку кровати, и, не успев я сказать пару фраз, перебила меня признанием:

— Знаешь, у тебя голос такой, что слушать бы и слушать. Успокаивает. Ты в натуре фея какая-то: всё знаешь, песни поёшь, в платьях бегаешь...

Сказка закончилась быстрее, чем мне хотелось. — Грустно как-то, — вздохнул Женька. — Сказала бы что повеселей в свой-то день рождения.

— Не грустная, — возразила Ната. — Говорится же, рай не пропал совсем, только под землю ушёл. Может, поднимется ещё, смотря как этот принц жить будет...

На несколько долгих секунд воцарилось молчание. Потом Алинка сказала мне:

— Мы ведь почему тебя доставали? Потому что ты же непонятная. Мы все понятные, все одинаковые, а ты, блин, какая-то не такая. Надо ж было проверить, какая ты есть? А?

— Надо, — согласилась я.

— Ты талантливая, блин... — Алинка похвалила меня матерным словом. — Память у тебя офигенная, фантазия... Короче, успехов тебе в труде и в личной жизни.

— Илья этот тебе не пара, — вспомнила кстати про личную жизнь Ната. — Он, когда на реке девочка поскользнулась, сам даже в воду не полез, а стал орать пацанам, чтобы встать ей помогли. А там вода-то смешная, голубю по колено.

— То ли дело Евгеша! — Алинка свойски похлопала охранника по плечу. — Защитник хоть куда. Жека, ты в армии был?

— А что, думаешь, не был? — пробурчал тот.

— Я и говорю — защитник. А война будет — пойдёшь нас защищать? — не отвязывалась Алинка.

— Буду, — просто ответил Евгений.

В ту ночь мы пели, пили, плакали и смеялись.

Потом было вручение грамот и подарков, костёр, сборы, прощание.

— Ну, пока, фея, — Алинка обняла меня на прощание. — Помни, что ты крута.

Я благодарно улыбнулась.

— А сто рублей давай-ка мне отдай, — вдруг спохватилась она. — За наушники пойдут. За свои поступки надо отвечать!

Я отдала ей бумажку, которую Алинка спрятала так быстро, что я даже не успела углядеть куда.

Я осталась в этом лагере ещё на третью смену; правда, попросилась работать на одном отряде с Машей. Мою просьбу исполнили. Только в следующем сезоне получилось так, что весь состав кухонных работников отказался трудиться, и завтрак, обед и ужин нам варила Шишкина, а воспитательницы и вожатые по очереди мыли посуду. Таджики предлагал стать его невесткой Маше и ещё одной девушке — очень уж, видно, нужна была супруга сыну-экономисту. И разных концертов и соревнований у нас было полным-полно, потому что вся смена состояла из танцоров и спортсменов...

А ненаглядного Илью я всё-таки нашла в начале сентября в корпусе матфака.

Но это уже, как говорится, совсем другая история.